

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.С. Серебrenиков

Опытная психология и её методы

Опубликовано:

Христианское чтение. 1899. № 4. С. 639-677.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ОПЫТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЕЯ МЕТОДЫ.

И ПО КАКОЙ наукѣ, кажется, не является въ печати на русскомъ языкѣ столько книгъ, какъ по опытной психологіи. Книги покупаются и, нужно думать, прочитываются. Видимо, въ нашемъ обществѣ существуетъ интересъ къ психологіи. Но кто внимательно слѣдитъ за этими книгами, тотъ не можетъ не замѣтить, какъ мало въ нихъ точныхъ фактическихъ сообщеній и болѣе или менѣе прочно обоснованныхъ общихъ положеній. Человѣкъ, ищущій строго научныхъ истинъ, можетъ даже подумать, что такія книги и читать не стоитъ, потому что въ нихъ — не наука, а болтовня. Спрашивается: гдѣ причина этого? Будетъ ли такое положеніе вещей продолжаться безъ конца или есть основаніе надѣяться на лучшее будущее? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо рассмотретьъ способы разработки, или методы, опытной психологіи.

Опытная психологія ставитъ для себя двѣ задачи.

Прежде всего, она стремится распредѣлить душевныя явленія въ такомъ порядкѣ, чтобы всѣ они, не смотря на свое разнообразіе, представляли собою одну стройную систему. Она хочетъ составить какъ бы систематическій каталогъ душевныхъ явленій, показавъ, сколько основныхъ типовъ, или родовъ, этихъ явленій существуетъ, на какіе виды дѣлится каждый родъ и какое отношеніе существуетъ между отдѣльными видами и родами. Эта задача извѣстна подъ названіемъ описанія душевной жизни.

Но психологія хочетъ не только описать душевную жизнь, а и объяснить ея происхожденіе. Поэтому вторая ея задача состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, при какихъ усло-

віяхъ душевныя явленія возникаютъ, измѣняются и исчезаютъ, какія изъ этихъ условій служатъ общими условіями, или законами, всей душевной жизни и въ чемъ заключается глубочайшая основа этихъ законовъ.

Описаніе и объясненіе являются отдѣльными задачами, если брать ихъ въ отвлеченіи. Если же мы будемъ разсматривать эти задачи съ точки зрѣнія осуществленія ихъ въ дѣйствительности, то найдемъ между ними самую тѣсную связь: описаніе опирается на объясненіе и объясненіе предполагаетъ собою описаніе. Ничто такъ не выражаетъ природы предмета, какъ условія его происхожденія. Поэтому нельзя сдѣлать надлежащаго раздѣленія душевныхъ явленій на роды и виды, не зная способа ихъ происхожденія. Съ другой стороны, выясненіе причинныхъ отношеній между какими-либо явленіями не мыслимо безъ отождествленія явленій однородныхъ, но имѣющихъ различный видъ вслѣдствіе различія внѣшнихъ условій, при которыхъ они происходятъ. Вотъ почему въ точныхъ наукахъ, напр., физикѣ, рядомъ съ глубокими объясненіями идутъ рука объ руку прекрасныя описанія явленій. Въ наукахъ же несовершенныхъ неудовлетворительныя объясненія соединяются обыкновенно съ поверхностными описаніями.

Для осуществленія своихъ задачъ опытная психологія пользуется опредѣленными научными приѣмами, или методами. Методы опытной психологіи по существу своему одинаковы съ методами другихъ опытныхъ наукъ. Но какъ въ каждой наукѣ общіе методы видоизмѣняются согласно съ характеромъ изслѣдуемыхъ явленій, такъ и въ психологіи.

До послѣдняго времени опытная психологія разрабатывалась при помощи однихъ методовъ. Въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія стали примѣняться къ ея разработкѣ другіе методы. Это даетъ основаніе различать традиціонную опытную психологію, съ одной стороны, и преобразованную, съ другой. Изъ нихъ традиціонная психологія до сихъ поръ остается господствующею, потому что методы преобразованной психологіи еще не получили всеобщаго признанія. Мы разсмотримъ подробно способы разработки традиціонной психологіи съ ихъ достоинствами и недостатками и затѣмъ постараемся уяснить: въ чемъ состоитъ преобразованная психологія и имѣетъ ли она право на существованіе?

Традиційная опытная психологія.

Всѣ методы традиційной психологіи дѣлятся на двѣ группы: на методы ознакомленія съ единичными фактами душевной жизни и на методы обработки этихъ фактовъ согласно съ задачами психологіи.

Методомъ для ознакомленія съ единичными фактами, по учению представителей традиційной психологіи, служитъ исключительно наблюдение. Но наблюдать мы можемъ или надъ собственными душевными явленіями, или надъ душевными явленіями, происходящими въ другихъ людяхъ. Отсюда психологическое наблюдение распадается на внутреннее и внѣшнее, или, какъ принято ихъ называть, на самонаблюдение и объективное наблюдение.

Всякое наблюдение основывается на воспріятіи, которому въ свою очередь предшествуетъ непосредственное сознание. Чтобы какое-либо явление стало для насъ существующимъ, для этого оно должно подѣйствовать на насъ и отразиться въ нашемъ сознаніи или самосознаніи. А чтобы сдѣлать его предметомъ наблюденія, мы должны выдѣлить его изъ ряда другихъ, какъ явление извѣстнаго рода, т. е. воспринять его. Между воспріятіемъ и наблюдениемъ не рѣдко не полагаютъ никакого различія и употребляютъ эти термины въ качествѣ синонимовъ. На самомъ дѣлѣ—это совершенно различные процессы мысли. Воспринять какое-либо явление значитъ непосредственно сознать и отождествить его съ знакомыми намъ явленіями того же рода. Воспринять, напр., завываніе вѣтра значитъ распознать, что слышимый нами шумъ есть шумъ вѣтра, а не толпы, людей, напр., или стаи звѣрей. Произвести же наблюдение надъ какимъ-либо явлениемъ значитъ активно устремить вниманіе на связь, существующую между отдѣльными его моментами или сторонами и мысленно построить изъ нихъ образъ цѣлаго. Увидѣть, напр., фазы луны еще не значитъ произвести наблюдение надъ ними. Чтобы сдѣлать наблюдение, для этого нужно прослѣдить, въ какомъ порядкѣ отдѣльныя фазы луны смѣняются и мысленно соединить ихъ въ одно цѣлое.

Каждый изъ насъ болѣе или менѣе знакомъ какъ съ отдѣльными душевными явленіями, такъ и съ ихъ связями. Мы знаемъ смыслъ употребляемыхъ нами словъ: представ-

лять, чувствовать, желать. Мы знаемъ также, что представленія вызываютъ чувствованія, чувствованія смѣняются желаніями, желанія переходятъ въ дѣйствія. Этими своими знаніями мы обязаны не чему иному, какъ самонаблюденію, ибо ниже мы увидимъ, что другой методъ для ознакомленія съ душевными явленіями, объективное наблюдение, основывается на самонаблюденіи. Такимъ образомъ самонаблюдение составляетъ фактъ, не могущій подлежать никакому сомнѣнію ¹⁾). Весь вопросъ относительно его сводится къ тому, какъ оно происходитъ и какими особенностями отличается.

Въ виду того, что самонаблюдение нерѣдко противопоставляютъ внѣшнему наблюдению и признаютъ научное значеніе только за этимъ послѣднимъ, будетъ цѣлесообразно отвѣтить на поставленный вопросъ чрезъ сличеніе того и другого наблюденія.

Внѣшнее наблюдение бываетъ двухъ родовъ. Мы можемъ наблюдать или надъ тѣлами, состоящими изъ сосуществующихъ частей, или надъ событіями, слагающимися изъ послѣдовательныхъ моментовъ. Хотя оба эти наблюденія по природѣ своей одинаковы, но существуетъ между ними и значительная разница. Чтобы видѣть эту разницу, обратимся къ примѣру.

Предположимъ, что предъ нами стоитъ классная доска, на которой написано слово, состоящее изъ четырехъ буквъ. Требуется произвести наблюдение надъ этимъ словомъ, т. е. прочесть его. Для этого мы остановимъ сначала свое вниманіе на первой буквѣ и, отождествивъ ее съ одною изъ знакомыхъ намъ буквъ алфавита, воспринимемъ ее. Пусть эта буква будетъ д. Затѣмъ обратимъ вниманіе на вторую букву и также уяснимъ ее. Пусть это будетъ буква у. Чтобы понять, что образуютъ собою обѣ буквы вмѣстѣ, мы должны снова воспринять ихъ одну вслѣдъ за другою. Это воспріятіе, какъ простое повтореніе прежняго, уже не потребуетъ отождествляющей дѣятельности мысли. Мысль можетъ обратиться къ уясненію отношенія, существующаго между созерцаемыми буквами. Видя, что они стоятъ рядомъ, причемъ буква д занимаетъ первое мѣсто, а у второе, мы поставимъ ихъ въ своемъ сознаніи въ этомъ

¹⁾ Изложеніе возраженій противъ возможности самонаблюденія и опроверженіе ихъ см. въ статьѣ «Самооткровеніе духа, какъ источникъ его познанія» „Христ. Чтеніе“. 1897 г. I, 424—439.

порядкѣ, какъ части одного цѣлаго. Тогда буквы **д** и **у** потеряютъ для насъ самостоятельное значеніе. Вмѣсто нихъ мы будемъ созерцать предъ собою слогъ **ду**. Затѣмъ мы обратимся къ воспріятію третьей буквы. Найдя, что это — буква **ш**, мы поставимъ ее въ отношеніи къ слогу **ду**. У насъ получится слогъ **душ**. Наконецъ, уяснивъ значеніе четвертой буквы **а**, поставимъ ее въ отношеніе къ слогу **душ** и получимъ слово **душа**.

Возьмемъ теперь другой случай. Предположимъ, что требуется прочесть то же самое слово, но слово это не находится предъ нашими глазами все сразу, а показывается намъ постепенно: сначала является предъ нами одна буква; чрезъ нѣсколько времени эта буква исчезаетъ, и на мѣсто ея открывається вторая; исчезаетъ вторая буква — является третья; скрывается третья буква — показывается четвертая; чрезъ нѣсколько времени исчезаетъ и она. Чтобы прочесть это слово, мы должны продѣлать своею мыслию то же самое, что и въ первомъ случаѣ, т. е. воспринять отдѣльныя буквы и объединить ихъ съ точки зрѣнія существующихъ между ними отношеній. Но какимъ образомъ мы откроемъ эти отношенія, когда предъ нашими глазами всякій разъ находится только по одной буквѣ? Очевидно, не иначе, какъ чрезъ воспоминаніе. Воспринявъ букву **у**, мы должны припомнить букву **д**, чтобы объединить ихъ въ слогъ **ду**. Мы должны припомнить слогъ **ду**, чтобы присоединить къ нему букву **ш**. Нужно припомнить слогъ **душ**, чтобы соединить его съ буквою **а** и получить цѣлое слово **душа**.

Въ разсмотрѣнномъ нами примѣрѣ наблюденіе надъ событіемъ идетъ параллельно съ воспріятіемъ отдѣльныхъ его моментовъ. Но бывають случаи другого рода, когда исключается всякая возможность подобнаго параллелизма. Мы не можемъ, напр., совмѣстить наблюденія надъ событіемъ съ воспріятіемъ его моментовъ, если эти моменты слишкомъ новы для насъ или слѣдуютъ одинъ за другимъ очень быстро. Тогда воспріятіе моментовъ событія занимаетъ все наше время и произвести наблюденіе надъ событіемъ мы можемъ только *post factum*, припомнивъ всѣ его моменты въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они прошли предъ нами. Эти случаи, очевидно, имѣетъ въ виду Льюисъ, когда говоритъ: «несомнѣнно, движеніе наблюдаемое нами, заканчивается ранѣе, чѣмъ сдѣлано наше наблюденіе. Оно состояло изъ цѣлаго ряда слѣдующихъ другъ за другомъ въ

пространствѣ положеній. Мы мысленно снова проходимъ сквозь этотъ рядъ положеній, связывая точку отправленія съ точкою прибытія. И потому именно, что мы можемъ мысленно воспроизвести эти точки, мы знаемъ, что произошло движеніе. Такимъ образомъ прямое воспріятіе (отдѣльныхъ пространственныхъ положеній) должно быть дополнено косвеннымъ схватываніемъ, возстановляющимъ части въ цѣлое¹⁾.

Но наблюденіе надъ движеніями и другими событіями, моменты которыхъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, можетъ принять также другую форму. Если это — событія обыкновенныя, очень часто повторяющіяся, то мы можемъ наблюдать надъ ними и посредствомъ воспріятій. При первыхъ встрѣчахъ съ подобнымъ событіемъ мы можемъ остановить свое вниманіе на отдѣльныхъ его моментахъ. При слѣдующихъ — можемъ заняться уясненіемъ отношеній между послѣдовательными моментами. Наконецъ, когда эти отношенія сдѣлаются вполнѣ знакомыми, всякое дальнѣйшее воспріятіе будетъ совмѣщать результаты ранѣе произведеннаго наблюденія. Мы будемъ видѣть не отдѣльные моменты, а цѣлое событіе, постепенно развертывающееся предъ нами.

Указанное различіе между наблюденіемъ надъ тѣлами, состоящими изъ сосуществующихъ частей, и наблюденіемъ надъ событіями, протекающими во времени, ведетъ за собою весьма важныя практическія послѣдствія. Главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія:

1) Наблюденіе надъ тѣлами имѣетъ для себя строго опредѣленный предметъ, потому что тѣла своими очертаніями обыкновенно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга. Событія же въ матеріальномъ мірѣ представляютъ собою параллельные ряды, переплетающіеся между собою самымъ многообразнымъ образомъ. Разграничить эти ряды бываетъ очень трудно, особенно — когда событія сложны. Поэтому при наблюденіи надъ сложными событіями мы всегда рискуемъ ошибиться. Мы можемъ обратить вниманіе на такое явленіе, которое къ наблюдаемому событію не относится, и упустить изъ виду какой-либо дѣйствительный моментъ его.

2) Наблюденіе надъ тѣлами, которыя могутъ оставаться неизмѣнными цѣлыя годы, можетъ продолжаться столько времени, сколько намъ будетъ нужно. Наблюденіе надъ собы-

¹⁾ Изученіе психологій, стр. 86.

тїями должно ограничиваться лишь тѣми періодами, въ кото-
рые они происходятъ предъ нами.

3) Наблюденіе надъ тѣлами можетъ быть методическимъ. Мы можемъ внимательно изучить каждую часть въ отдѣль-
ности и уяснить ея отношенія къ остальнымъ частямъ. При
этомъ если во время самаго наблюденія или на основаніи
предварительныхъ теоретическихъ изысканій окажется какая-
либо часть изучаемаго тѣла особенно важною, мы можемъ
обратить на нее особенное вниманіе и поставить ее въ центрѣ
всего наблюденія. Въ результатѣ мы можемъ получить пол-
ный и точный образъ наблюдаемаго тѣла. Наблюденіе
надъ событіями должно всегда отличатся бо-
льше или меньше случайнымъ характеромъ. Мы
должны наблюдать надъ ними лишь въ той мѣрѣ, въ какой
они отразятся въ нашемъ сознаніи и запечатлѣются въ нашей
памяти. Но это отраженіе и запечатлѣніе въ памяти можетъ
далеко не отвѣчать дѣйствительности, ибо легко можетъ слу-
читься, что одни моменты наблюдаемаго событія заинтере-
суютъ насъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, другіе, наоборотъ, оста-
новятъ на себѣ меньшее вниманіе, чѣмъ какого заслуживаютъ,
третьи совсѣмъ останутся незамѣченными и пр. Такъ нерѣдко
и бываетъ, когда къ наблюденію приступаютъ лица неопыт-
ныя или событіе наблюдается въ первый разъ.

4) Наблюденіе надъ тѣлами происходитъ нераздѣльно съ
процессомъ воспріятія. Воспріятіемъ отдѣльныхъ частей тѣла
оно начинается и воспріятіемъ цѣлаго, составленнаго изъ
этихъ частей, оканчивается. Но наши воспріятія отличаются
ясностью и устойчивостью. Поэтому и результаты наблюденій
надъ тѣлами бываютъ обыкновенно ясны и устойчивы. Одинъ
и тотъ же земной глобусъ, напр., мы видимъ предъ собою
какъ предъ началомъ, такъ и по окончаніи изученія его по-
верхности посредствомъ наблюденія. Но въ первомъ случаѣ
его поверхность представляется намъ разрисованною какими-
то непонятными цвѣтными фигурами, а во второмъ мы ви-
димъ на ней цвѣтныя пятна, имѣющія опредѣленную форму
и величину, занимающія опредѣленное пространственное по-
ложеніе и обозначающія собою вполне опредѣленные пред-
меты: океаны, моря, озера, рѣки, горы, долины и пр. Кто
видитъ въ первый разъ человѣческій скелетъ, для того онъ—
безпорядочное соединеніе различныхъ костей. Анатомъ же,
при взглядѣ на скелетъ, видитъ всѣ его части съ ихъ взаим-

ными отношеніями и можетъ въ каждой изъ нихъ различить сразу всё ея подробности.

Инымъ характеромъ отличается наблюденіе надъ событіями. Имѣя дѣло въ большинствѣ случаевъ съ образами, воспроизводимыми памятью, т. е. съ представленіями, оно можетъ дать въ результатѣ не воспріятіе, а только представленіе о событіи съ входящими въ его составъ моментами. А такъ какъ наши представленія, въ сравненіи съ воспріятіями, отличаются темнотою и неустойчивостью, то и наблюденіе надъ событіями, взятое само по себѣ, не можетъ дать результатовъ вполне ясныхъ и устойчивыхъ. Если изслѣдователямъ удастся иногда получить болѣе или менѣе ясные и устойчивые результаты относительно наблюдаемыхъ событій, то лишь въ той мѣрѣ, въ какой они переводятъ свои наблюденія на языкъ пространственныхъ воспріятій. Для этого одни изъ нихъ прибѣгаютъ къ помощи пишущихъ приборовъ, которые автоматически чертятъ кривыя линіи, изображающія послѣдовательный ходъ наблюдаемыхъ событій; другіе изслѣдователи ведутъ параллельно съ наблюденіемъ точную запись всего, что ни замѣтятъ въ наблюдаемомъ событіи. По этимъ кривымъ или по этимъ записямъ они потомъ и отдають себѣ отчетъ въ совершившихся предъ ними событіяхъ.

Не трудно замѣтить, что всё указанная различія сводятся къ одному. Наблюденіе надъ событіями соединено съ такими неудобствами и препятствіями, отъ которыхъ свободно наблюденіе надъ тѣлами. Если поэтому методическое наблюденіе надъ тѣлами легко можетъ привести къ результатамъ полнымъ, точнымъ, устойчивымъ и яснымъ, то болѣе или менѣе случайное наблюденіе надъ событіями, взятое само по себѣ, требуетъ много времени и большой осторожности, чтобы дать результаты лишь приближающіеся къ этимъ.

Самонаблюденіе имѣетъ совершенно такую же природу и соединено съ такими же трудностями, какія свойственны наблюденію надъ внѣшними событіями. Сходство между тѣмъ и другимъ такъ велико, что разъяснить природу самонаблюденія значило бы повторять все сказанное выше объ отличіи внѣшняго наблюденія надъ событіями отъ наблюденія надъ тѣлами. Но есть между ними и разница; обусловливаемая различіемъ явленій душевныхъ и матеріальныхъ. Вслѣдствіе особаго

характера душевных явленій самонаблюденіе наталкивается на новыя трудности, которыхъ не знаетъ наблюденіе надъ внѣшними событіями. Эти трудности суть слѣдующія:

1) Самонаблюденіе имѣетъ дѣло съ воспріятіями и представленіями, основывающимися на непосредственномъ отраженіи душевныхъ явленій въ самосознаніи. Но эти отраженія въ сравненіи съ отраженіями внѣшнихъ событій въ сознаніи, отличаются темнотою. Первоначально все вниманіе человѣка бываетъ устремлено на внѣшній міръ, вслѣдствіе чего отраженія самосознанія остаются совсѣмъ незамѣчаемыми. Ребенокъ воспринимаетъ окружающіе предметы, переживаетъ различныя чувствованія и испытываетъ разнообразныя желанія, но его вниманіе сосредоточивается не на самыхъ чувствованіяхъ, желаніяхъ или процессахъ воспріятія, а на тѣхъ предметахъ, къ которымъ они относятся. О существованіи этихъ внутреннихъ состояній и процессовъ онъ какъ-будто и не подозреваетъ. Даже въ зрѣломъ возрастѣ не всякій способенъ оторваться отъ яркихъ образовъ внѣшней дѣйствительности и сосредоточить вниманіе на смутныхъ отраженіяхъ своего внутренняго міра.

Темнота отраженій затрудняетъ въ высокой степени не только наблюденіе надъ душевными явленіями, но и простое воспріятіе ихъ. Для ихъ яснаго воспріятія мы должны обладать развитою способностію отвлеченія и умѣть сосредоточивать свое вниманіе на предметахъ трудныхъ для изученія. Но это еще не все. Недостаточно войти въ слабо освѣщенную комнату и устремить взоръ на движущіяся тамъ въ отдаленіи, на подобіе неопредѣленныхъ призраковъ, фігуры, чтобы воспринять ихъ. Для этого необходимо, чтобы отлѣльныя фігуры проходили предъ нашими глазами не однажды, а возможно большее число разъ. Только при этомъ условіи мы можемъ распознать фігуры, наиболѣе часто проходящія предъ нами, и выдѣлить ихъ изъ остальныхъ фігуръ. То же самое примѣнимо къ воспріятію душевныхъ явленій. Едва ли можно, напр., сомнѣваться, что наши чувствованія весьма разнообразны. Но много ли чувствованій мы воспринимаетъ? Даже по названіямъ мы знаемъ лишь тѣ немногія чувствованія которыя постоянно повторяются и имѣютъ наиболѣе важное практическое значеніе въ жизни людей. Еще труднѣе воспринять въ чувствованіяхъ отдѣльные ихъ моменты и уяснить ихъ взаимныя отношенія. Правда, чувствованія суть наиболѣе субъективныя

состоянія. Когда мы переживаемъ страхъ, радость и пр., мы какъ бы сливаемся съ этими состояніями, такъ что отдѣлить ихъ отъ себя и посмотреть на нихъ какъ бы со стороны бываетъ очень трудно. Но несомнѣнно, что и другія душевныя явленія мы должны пережить очень много разъ, чтобы они сдѣлались для насъ болѣе или менѣе знакомыми и мы поставили ихъ въ своемъ созерцаніи въ качествѣ особыхъ предметовъ.

2) Наша духовная жизнь такова, что въ ней всякое послѣдующее состояніе опредѣляется всѣми предшествующими. Поэтому въ ней нѣтъ совершенно тождественныхъ явленій. Душевные явленія, разъ исчезнувшія, никогда не возвращаются въ томъ же самомъ видѣ. Они могутъ снова возникнуть, но съ новыми чертами, опредѣляемыми новымъ состояніемъ души. При встрѣчѣ съ близкимъ человѣкомъ, напр., мы испытываемъ обыкновенно радость. Но радость бываетъ различна, когда мы встречаемся съ нимъ послѣ долгой разлуки или часто, когда тяготимся одиночествомъ или заняты какимъ-либо срочнымъ дѣломъ и пр. Правда, нѣчто подобное наблюдается также во внѣшнемъ мірѣ—въ жизни организмовъ. Но индивидуальныя различія между однородными переменными въ жизни организмовъ никогда не бываютъ такъ велики и разнообразны, какъ въ душевной жизни. Этотъ необычайный индивидуализмъ душевныхъ состояній и процессовъ долженъ сильно затруднять отождествленіе явленій однородныхъ; а безъ отождествленія не можетъ обойтись ни воспріятіе, ни тѣмъ болѣе — наблюденіе.

3) Новымъ, крупнымъ факторомъ, затрудняющимъ наблюденіе надъ душевными явленіями, служитъ ихъ величайшая сложность. Въ вызовѣ нашихъ душевныхъ явленій участвуютъ и матеріальный міръ, и окружающее общество, и состояніе нашего тѣла, и наличный складъ нашей душевной жизни. При такой сложности, фиксировать какое-либо явленіе, или замѣтить дѣйствительные моменты, входящіе въ составъ его, представляется дѣломъ необычайно труднымъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ психологической литературѣ сплошь и рядомъ однородные факты описываются совершенно различно. Каждый психологъ вводитъ въ свое описаніе свои детали, при чемъ нерѣдко отмѣчаются такія детали, которыя къ описываемому факту стоятъ лишь въ весьма отдаленномъ или даже случайномъ отношеніи, детали же дѣйствительно важныя отсутствуютъ.

4) Не маловажнымъ препятствіемъ къ наблюденію надъ душевными явленіями служить, наконецъ, ихъ подвижность. Душевная жизнь во время бодрствованія представляетъ собою постоянную смѣну одного состоянія другимъ, остановить которую мы не въ силахъ. Чтобы видѣть, какого рода эта смѣна, обратимся къ примѣру.

Предположимъ, что человѣкъ сѣлъ за интересную работу. Вдругъ раздается въ его квартирѣ звонокъ. Слышитъ, что спрашиваютъ: дома ли онъ? Ему не хочется отрываться отъ дѣла. Но нужно вставать, выходить къ посѣтителю. Съ чувствомъ досады спрашиваетъ онъ себя: кто бы это могъ быть? Ужели какой-нибудь гость? Не можетъ быть, рѣшаетъ онъ. Время для этого не подходящее. Навѣрное, это — разсылный съ повѣсткою о предстоящемъ засѣданіи. Успокоенный этими мыслями, онъ выходитъ, но вмѣсто разсылнаго видитъ предъ собою рѣдкаго посѣтителя. Изумленіе и вмѣстѣ предчувствіе чего-то необычайнаго овладѣваетъ имъ. Съ вопросительнымъ выраженіемъ лица онъ смотритъ на посѣтителя. Тотъ начинаетъ говорить. Онъ слушаетъ и не вѣритъ своимъ ушамъ. То, о чемъ онъ мечталъ, какъ о величайшемъ счастіи для себя, но на исполненіе чего мало надѣялся, случилось на самомъ дѣлѣ. Въ его душѣ разражается буря. Разсѣянно прощается онъ съ гостемъ. Теперь ему не до окружающаго. Онъ весь погруженъ въ свой внутренній міръ. Стремительнымъ потокомъ проносятся предъ его умственнымъ взоромъ разнообразныя картины и на всевозможные лады видоизмѣняютъ переживаемое имъ волненіе. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока волненіе не начнетъ постепенно входить въ свои границы. Съ ослабленіемъ волненія, игра воображенія замедляется. Порванная связь съ окружающею дѣйствительностью мало-по-малу восстанавливается. До сознанія начинаютъ снова доходить обычные внѣшнія впечатлѣнія. Человѣкъ приходитъ въ себя и начинаетъ соображать, что ему нужно дѣлать.

Приведенный примѣръ показываетъ, что даже при обыкновенныхъ условіяхъ смѣна душевныхъ явленій происходитъ очень быстро и принимаетъ самые разнообразныя направленія. Въ состояніи же сильнаго волненія, или аффекта, она пріобрѣтаетъ такую быстроту, что замѣтить или запомнить всѣ ея послѣдовательные моменты не бываетъ никакой возможности.

При такой быстротѣ прямое наблюденіе надъ душев-

ными явлениями во время ихъ совершенія часто бываетъ невозможно. Когда моменты явленія мало знакомы, наблюдать надъ явленіемъ можно только по воспоминанію. Наблюденіе же чрезъ воспоминаніе встрѣчаетъ для себя двѣ помѣхи: а) не всѣ моменты наблюдаемаго явленія могутъ быть восприняты и б) изъ множества воспринятыхъ моментовъ не всѣ могутъ быть удержаны въ памяти и воспроизведены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали. При этихъ условіяхъ наблюдателямъ остается одно изъ двухъ: или отказаться отъ сведенія подмѣченныхъ моментовъ явленія въ одно цѣлое, или дополнить недостающіе моменты собственнымъ воображеніемъ, примѣнительно къ своимъ взглядамъ на душевную жизнь. Но воображеніе въ этомъ случаѣ—плохой помощникъ, потому что взгляды наблюдателей на душевную жизнь расходятся до противоположности.

Хорошо—если наблюдатель, сообщая какой-либо фактъ, проводитъ ясную границу между тѣмъ, что было воспринято, и тѣмъ, что привнесено имъ отъ себя. Такъ поступаетъ, напр., Гоббесъ, когда говоритъ: „какая, повидимому, связь могла быть между разговоромъ о нашей теперешней междоусобной войнѣ и вопросомъ, предложеннымъ однимъ изъ собесѣдниковъ, о стоимости римскаго сребреника? Однако, для меня было понятно, какъ произошло это. Очевидно, мысль о войнѣ перешла въ мысль о преданіи короля его врагамъ. Мысль объ этомъ навела на мысль о преданіи Христа, а эта въ свою очередь—на мысль о тридцати сребреникахъ, цѣнѣ цѣннаго. Отсюда уже само собою долженъ былъ явиться указанный странный вопросъ“¹⁾. Здѣсь ясно видно, въ чемъ состоялъ фактъ и какое дается ему толкованіе. Всякій психологъ долженъ считаться съ фактомъ; толкованіе же факта нисколько для него необязательно: оно можетъ отвѣчать дѣйствительности, а можетъ быть и фикціею. Къ сожалѣнію, авторы психологическихъ сочиненій далеко не всегда обнаруживаютъ такую разборчивость. Факты искаженные и созданные воображеніемъ часто выдаются ими за дѣйствительные факты. Эти факты подвергаются новымъ измѣненіямъ, когда начинаютъ переписываться изъ одной книги въ другую, ибо каждый составитель новой книги старается приладить ихъ къ показаніямъ своего внутренняго опыта или къ своимъ излюбленнымъ взглядамъ на

¹⁾ The moral and political works. London. 1750. Of man, p. 104.

душевную жизнь. Въ результатѣ факты обезличиваются и переходятъ въ примѣры, которые удобно могутъ быть замѣнены всякими другими выдуманнми примѣрами. Психологія становится собраніемъ любопытныхъ разсказовъ и занимательныхъ исторіекъ, на основаніи которыхъ нельзя сдѣлать никакихъ точныхъ выводовъ.

Таковы специфическія трудности, съ которыми соединено самонаблюденіе въ отличіе отъ наблюденія надъ внѣшними событіями. И если, не смотря на эти трудности, мы приобретаемъ фактическія свѣдѣнія о своей душевной жизни, то лишь благодаря тому, что наша душевная жизнь всегда находится предъ нами и процессъ ознакомленія съ нею въ формѣ непосредственнаго воспріятія никогда не прекращается.

Построить психологію на одномъ самонаблюденіи не возможно. Нельзя этого сдѣлать по двумъ причинамъ.

1) Въ самонаблюденіи душевныя явленія служатъ предметомъ наблюденія только одного лица, наблюдающаго надъ собою. Но каждый наблюдатель имѣетъ свои индивидуальныя особенности, которыя должны отражаться на всякой дѣятельности его вообще и самонаблюденіи въ частности. Поэтому въ самонаблюденіи вмѣстѣ съ объективными чертами всегда должны быть даны черты субъективныя, привнесенныя или присочиненныя наблюдателемъ отъ себя. Это тѣмъ естественнѣе, что мы не остаемся равнодушными созерцателями самихъ себя, а произносимъ нравственный судъ надъ своими дѣйствіями, мыслями, чувствованіями. Но всякій ли способенъ быть безпристрастнымъ судьей самого себя? Не случается ли обыкновенно наоборотъ, что мы прихорашиваемъ себя въ собственныхъ глазахъ, представляя себя въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ каковы мы на самомъ дѣлѣ.

Правда, субъективный элементъ присущъ также внѣшнему наблюденію. И здѣсь каждый наблюдаетъ явленіе такъ, какъ оно ему представляется. На примѣрѣ различныхъ астрономовъ можно видѣть, что между наблюденіями ихъ надъ временемъ прохожденія одной и той же звѣзды чрезъ одинъ и тотъ же меридіанъ всегда оказывается болѣе или менѣе значительная разница. Одинъ опредѣляетъ это время нѣсколькими десятками секунды раньше, другой—позже и пр. Но астрономы изыскали средства исключить эту разницу или, какъ выражаются они, произвести личное уравненіе, чрезъ сопоставленіе показаній того

или другого наблюдателя съ объективными показаніями различныхъ приборовъ.

Въ самонаблюденіи мы не имѣемъ никакого критерія для разграниченія между сторонами, присущими самому явленію, и субъективнымъ придаткомъ къ нимъ. Чтобы произвести подобное разграниченіе, необходимо сопоставить наше личное наблюденіе надъ какимъ-либо своимъ душевнымъ явленіемъ съ объективнымъ наблюденіемъ другихъ людей надъ тѣмъ же явленіемъ.

2) Самонаблюденіе имѣетъ дѣло съ душевною жизнью одного лица и даже въ душевной жизни одного лица оно должно ограничиваться лишь тѣмъ періодомъ, когда человѣкъ сдѣлается способнымъ наблюдать надъ собою. Наблюдать же надъ явленіями предшествующихъ періодовъ мы или совсѣмъ не можемъ, или можемъ въ очень несовершенной степени, потому что объ этихъ явленіяхъ не остается у насъ никакого воспоминанія или сохраняются воспоминанія недостаточно ясныя и точныя. Но ни одна наука не можетъ ограничиться знакомствомъ съ однимъ какимъ-либо индивидуальнымъ предметомъ. Каждая наука всегда старается собрать возможно большее количество матеріала, чтобы ея выводы обнимали собою всѣ предметы извѣстнаго рода. И психологія, чтобы стать наукою, должна изучить душевную жизнь не только всѣхъ людей, но по возможности и всѣхъ одушевленныхъ существъ. А это можетъ быть достигнуто лишь при содѣйствіи объективнаго наблюденія.

Объективное наблюденіе основывается на двухъ особенностяхъ нашей природы, частію прирожденныхъ, частію благопріобрѣтенныхъ.

1) Всѣмъ хорошо извѣстенъ фактъ, что душевныя явленія сопровождаются выразительными движеніями тѣла. Когда мы, напр., веселы; мы смѣемся, а когда постигаетъ насъ горе, плачемъ. При сильной боли у насъ вырываются стоны. Въ ярости человѣкъ стискиваетъ зубы и сжимаетъ кулаки. Когда мы заинтересовываемся к.-л. предметомъ, наклоняемся къ нему или приближаемъ его къ своимъ глазамъ. Желая отмѣтить предметъ, занимающій нашу мысль, мы произносимъ его имя; а интонаціей голоса выражаемъ чувство, вызываемое въ насъ созерцаніемъ этого предмета. Извѣстно, что хорошей актеръ и въ нѣкоторой степени каждый изъ насъ, произнося одно и то же слово, напр., человѣкъ, можетъ выразить простою переменною интонаціи голоса все-

возможныя чувствованія: и восторгъ, и презрѣніе, и любовь, и кичливость, и иронію, и шутку и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ движеній совершенно произвольны. Таковы, напр., ускореніе бѣненія сердца при радости, появленіе краски на лицѣ, отъ расширенія волосныхъ сосудовъ его, при чувствѣ стыда, расслабленіе извѣстныхъ мышцъ при чувствѣ испуга и т. п. Другія движенія въ родѣ, напр., смѣха, плача, криковъ, полупроизвольны. Они возникаютъ обыкновенно помимо нашей воли; но мы можемъ въ извѣстныхъ случаяхъ ослабить, усилить, остановить и даже вызвать ихъ по собственному желанію. Наконецъ, третьи вполне подчинены волѣ, каковы, напр., суть наши слова. Но при всемъ этомъ различіи, въ общемъ между выразительными движеніями и душевными явленіями существуетъ обыкновенно болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе, такъ что первыя могутъ служить показателями, или знаками другихъ. Слезы, напр., могутъ указывать на горе, стоны — на сильныя страданія, краска лица — на стыдъ и пр.

2) Всѣмъ извѣстно, что когда мы видимъ или слышимъ выразительныя движенія другихъ людей, въ нашемъ сознаніи возникаютъ чувствованія или представленія, соотвѣтствующія душевнымъ явленіямъ, выражаемымъ этими движеніями.

Чувствованія возбуждаются въ насъ при воспріятіи внѣшнихъ выражений чувствованій. Мы не можемъ, напр., пройти безучастно мимо человѣка, издающаго сильныя стоны. Видя выраженіе радости, веселья, патріотическаго чувства, особенно въ массѣ народа, мы сами невольно настраиваемся на тотъ же тонъ. Это зараженіе чувствованіями другихъ составляетъ, повидимому, первичный фактъ нашей природы. Его мы можемъ наблюдать не только въ маленькихъ дѣтяхъ, но даже въ животномъ мірѣ. Когда, напр., насѣдка, завидѣвъ ястреба, поднимаетъ крикъ и начинаетъ махать крыльями, цыплята, въ силу какъ бы магическаго дѣйствія, моментально устремляются къ ней и стараются спрятаться подъ ея крыльями. Наблюденіе надъ дѣтьми также показываетъ, что они бывають отзывчивы на ласки, угрозы и пр., выражаемыя имъ окружающими людьми даже притворно.

Иначе возникаютъ у насъ представленія о душевныхъ явленіяхъ другихъ людей, при воспріятіи ихъ выразительныхъ движеній. Чтобы явились такія представленія, необходимо научиться

понимать смыслъ выразительныхъ движеній. А научиться этому мы можемъ только на основаніи своего собственнаго опыта. Мы должны подмѣтить, съ какими выразительными движеніями какія душевныя явленія обыкновенно соединяются у насъ. Тогда на основаніи выразительныхъ движеній мы можемъ заключать по аналогіи, или получать представленія, о душевныхъ явленіяхъ и другихъ людей. Зная по собственному опыту, что когда мы думаемъ о чемъ-либо конкретномъ, нашъ взоръ бываетъ сосредоточенъ на одной какой-либо точкѣ внизу, мы можемъ уже сознательно заключать, что купецъ, облокотившійся на столъ и устремившій свои глаза на одну точку его, обдумываетъ какое-либо коммерческое дѣло. Первоначально подобныя заключенія дѣлаются съ замѣтнымъ участіемъ сознанія и воли и занимаютъ довольно много времени. Но по мѣрѣ того, какъ одни и тѣ же заключенія начинаютъ повторяться снова и снова, процессъ заключенія укорачивается и становится болѣе легкимъ. Наконецъ, онъ дѣлается привычнымъ, и мы совершаемъ его какъ бы механически, по ассоціаціи смежности. Видя выразительное движеніе, мы сразу, безъ всякихъ разсужденій, представляемъ себѣ скрывающееся за нимъ душевное явленіе. Этотъ постепенный переходъ первоначальныхъ умозаключеній въ явленія простаго припоминанія или узнаванія можетъ наблюдать въ себѣ всякій, кто попадаетъ въ иностранную землю и начинаетъ, безъ помощи другихъ, знакомиться съ чуждыми для него обычаями.

Инстинктивное отраженіе въ нашемъ самосознаніи чувствованій другихъ посредствомъ выразительныхъ движеній имѣетъ главнымъ образомъ практическое значеніе. Въ силу его люди являются членами одной семьи, призванными къ одной общей работѣ. Для научныхъ же цѣлей оно мало пригодно, потому что не имѣетъ достаточной опредѣленности. Мы заражаемся, напр., радостью толпы. Но изъ какихъ моментовъ слагается происходящая радость и въ какомъ отношеніи они стоятъ между собою, опредѣлить это на основаніи самаго чувствованія, возбужденнаго въ насъ, мы не можемъ. Мы можемъ судить объ этомъ лишь на основаніи истолкованія выразительныхъ движеній по аналогіи съ нашею собственною психо-физическою жизнью.

Наблюденіе надъ внѣшними выразительными движеніями, соединенное съ истолкованіемъ ихъ, какъ знаковъ

душевныхъ явленій, или, проще, наблюденіе надъ душевными явленіями по внѣшнимъ выразительнымъ движеніямъ и составляетъ то, что въ психологіи называется объективнымъ наблюденіемъ.

Объективное наблюденіе, сравнительно съ самонаблюденіемъ, имѣетъ два преимущества.

1) Выразительныя движенія, посредствомъ которыхъ мы судимъ о душевныхъ явленіяхъ другихъ, доступны внѣшнему воспріятію. Какъ такія, они могутъ быть предметомъ наблюденія многихъ лицъ. Отсюда открывается возможность сопоставлять наблюденія различныхъ лицъ надъ однимъ и тѣмъ же душевнымъ явленіемъ. А сопоставленіе это имѣетъ то важное значеніе, что посредствомъ него наблюденіе можетъ быть очищено отъ неизбежно присущей ему субъективности. Что въ показаніяхъ всѣхъ наблюдателей окажется одинаковымъ, то должно имѣть свою основу въ самомъ явленіи. Пункты же разногласія должны быть отнесены на счетъ индивидуальныхъ особенностей наблюдателей.

2) Выразительными движеніями сопровождаются душевныя явленія всѣхъ одушевленныхъ существъ. Посредствомъ ихъ мы можемъ наблюдать надъ душевною жизнію всѣхъ людей и животныхъ и на всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія. Если же мы расширимъ понятіе выразительныхъ движеній и отнесемъ къ нимъ всѣ продукты человѣческаго творчества, то кругъ предметовъ объективнаго наблюденія еще болѣе расширится. По объективнымъ слѣдамъ творческой работы духа мы можемъ наблюдать надъ душевною жизнію не только настоящаго времени, но и всѣхъ предшествовавшихъ вѣковъ. «Слова и рѣчь, говоритъ Кавелинъ, сочетанія звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни, словомъ все, въ чемъ только выражается дѣятельность человѣка, служить матеріаломъ для психологическихъ наблюденій и изслѣдованій. Надо только умѣть пользоваться имъ. Историки придумали способы извлекать изъ народныхъ обычаевъ, легендъ, мѣоувъ скрывающіеся въ нихъ историческіе факты. Они научились снимать съ нихъ оболочку, сотканную психическою обработкою. Въ психологическихъ изслѣдованіяхъ все вниманіе, напротивъ, должно быть обращено именно на эту обработку, потому что она-то и содержитъ въ себѣ объективный слѣдъ»

психической дѣятельности, по которому и должно изучать свойства, особенности и законы психической жизни. Греки изъ наблюдений надъ словомъ и рѣчью вывели законы и формы мышленія. Точно такимъ же образомъ должна быть создана и психологія»¹⁾).

Но объективному наблюденію присущъ одинъ очень крупный недостатокъ, это — его неточность. Душевная жизнь другихъ наблюдается нами въ той мѣрѣ, въ какой она обнаруживается во внѣ и въ этихъ обнаруженіяхъ понимается нами. Отсюда чтобы объективное наблюденіе было точнымъ, должны быть выполнены два условія: 1) душевное явленіе должно обнаруживаться въ совершенно опредѣленномъ и неизмѣнномъ знакѣ и 2) знакъ долженъ вызывать въ насъ представленіе о вполнѣ соответствующемъ себѣ душевномъ явленіи. Но въ дѣйствительности оба эти условія никогда вполнѣ не осуществляются.

Опытъ показываетъ, что душевныя явленія не только у различныхъ существъ, но даже у одного и того же лица въ различныя времена выражаются довольно различно. Если мы сравнимъ свои внѣшнія обнаруженія какого-либо чувствованія, возникающаго при одинаковыхъ приблизительно условіяхъ, но въ разныя части дня, напр., утромъ и вечеромъ, предъ началомъ работы и по окончаніи ея, то найдемъ разницу въ ихъ силѣ. Въ одномъ случаѣ они бываютъ быстры и энергичны, въ другомъ вялы и безцвѣтны. То же мы найдемъ, если сопоставимъ выразительныя движенія лицъ различнаго возраста или природнаго темперамента.

Не отличаются устойчивою опредѣленностью выразительныя движенія и съ качественной стороны. Даже произвольныя выразительныя движенія не рѣдко обозначаютъ совершенно различныя душевныя состоянія. Краска на лицѣ, напр., можетъ выражать и смущеніе, и стыдъ, и радостное волненіе; смѣхъ можетъ сопровождать и веселое благодушіе, и злую иронію; плакать можно и съ горя, и съ радости. Произвольныя же и полупроизвольныя выразительныя движенія мы можемъ измѣнять и перетасовывать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Человѣкъ можетъ, напр., носить въ своей душѣ обширныя и глубокіе замыслы и не подавать о томъ почти ни малѣйшаго вида. Съ другой стороны, онъ можетъ напускать на себя такіа ду-

¹⁾ Задачи психологіи, стр. 99—100.

шевные состоянія, какихъ въ немъ нѣтъ. Онъ можетъ быть, напр., по русской пословицѣ, спереди блаженъ мужъ, а сзади вскую шатапаса. И такая замѣна однихъ выразительныхъ движеній другими можетъ происходить безъ всякихъ усилій со стороны человѣка; для этого нужно только пріобрѣсти привычку. Чѣмъ чаще будетъ совершаться произвольное припрятываніе душевныхъ состояній отъ взора другихъ или напускное лицемѣріе, тѣмъ меньшихъ усилій оно будетъ требовать для своего совершенія. Въ концѣ концовъ оно будетъ происходить не только безъ всякихъ усилій, но даже бессознательно. Если бы рядомъ съ произвольными выразительными движеніями не совершалось движеній произвольныхъ, то человѣкъ могъ бы оградить свой дѣйствительный внутренній міръ непреступною стѣною, чрезъ которую не могъ бы заглянуть ни одинъ посторонній наблюдатель. Лишь эти послѣднія движенія выдаютъ насъ. Если, напр., какой-нибудь человѣкъ увѣряетъ насъ въ своемъ расположеніи или уваженіи къ намъ, а мы замѣчаемъ въ выраженіи его глазъ и лица что-то неестественное, нагнутое, то мы мало придаемъ значенія такому завѣренію. Мы догадываемся, и наша догадка часто оправдывается, что этотъ человѣкъ любитъ и уважаетъ насъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что выразительныя движенія, какъ знаки душевныхъ явленій, не имѣютъ достаточной устойчивости и опредѣленности. Они не могутъ поэтому служить надежными показателями душевныхъ явленій. Наблюдатель неосторожный и мало проницательный легко можетъ принять одно выразительное движеніе вмѣсто другого и сдѣлаться жертвою ненамѣреннаго или намѣреннаго обмана со стороны существа наблюдаемаго. Въ жизни это часто и случается. Лица сосредоточенныя и не отличающіяся экспансивностью не рѣдко получаютъ кличку людей черствыхъ, хотя на самомъ дѣлѣ они могутъ чувствовать чужое горе несравненно глубже и сильнѣе, чѣмъ различныя кумушки, готовыя испускать вздохи и проливать слезы по всякимъ пустякамъ. Еще большимъ разнообразіемъ и неопредѣленностью отличаются продукты чело-вѣческаго творчества. Въ творествѣ выражается личность человѣка, почему каждое созданіе заключаетъ въ себѣ нѣчто особенное. Если поэтому сочиненія, писанныя самостоятельно учениками одного и того же класса и на одну и ту же тему, никогда не бываютъ вполнѣ одинаковы между собою, то какъ

безконечно разнообразны должны быть человѣческія созданія всѣхъ мѣстъ и временъ!

Второй источникъ неточности объективнаго наблюденія заключается въ субъективности пониманія выразительныхъ движеній, какъ знаковъ душевныхъ явленій. Что происходитъ въ душѣ другого человѣка, объ этомъ никто не можетъ знать непосредственно, кромѣ него самого. Знать о душевныхъ состояніяхъ другихъ мы можемъ лишь по внѣшнимъ обнаруженіямъ. Но внѣшнія обнаруженія, сами по себѣ, суть различныя движенія или тѣлесныя перемѣны и больше ничего. Истолковать ихъ мы можемъ только на основаніи знакомства съ собственной душевною жизнью. Когда мы видимъ, что какой-либо человѣкъ весь поблѣднѣлъ и трясется, или когда онъ говоритъ намъ, что его страшно напугало пламя, неожиданно показавшееся въ сосѣднемъ домѣ, мы понимаемъ, что этотъ человѣкъ переживаетъ чувство испуга. Но самое чувство испуга мы можемъ представить и представляемъ не иначе, какъ въ видѣ того, какое мы сами нѣкогда пережили. Между тѣмъ душевныя явленія различныхъ существъ, принадлежащихъ даже къ одному и тому же роду, напр., людей, различны. Каждое лицо имѣетъ свои индивидуальныя особенности, которыя отличаютъ его душевную жизнь отъ душевной жизни другихъ людей, стоящихъ не только на высшей или низшей, но и на равной ступени развитія. При такомъ различіи, душевная жизнь другихъ никогда точно не можетъ быть представлена въ терминахъ нашей собственной душевной жизни. Воспринимая выразительныя движенія, мы всегда представляемъ себѣ иныя душевныя явленія, отличающіяся отъ тѣхъ, которыя этими движеніями выражаются.

Это различіе между дѣйствительными и представляемыми душевными явленіями бываетъ меньшимъ или большимъ въ зависимости отъ опыта и силы построительнаго воображенія наблюдателя. Чѣмъ шире будетъ нашъ внутренній опытъ, чѣмъ ближе мы познакоимся съ лицомъ наблюдаемымъ и чѣмъ полнѣе и отчетливѣе представимъ обстановку, при которой происходитъ переживаемое имъ душевное явленіе, тѣмъ больше будетъ отвѣчать дѣйствительному явленію наше представленіе о немъ.

Но работа построительнаго воображенія въ высокой степени затрудняется, когда для постройки въ нашемъ внутреннемъ опытѣ не оказывается соотвѣтствующихъ готовыхъ

матеріаловъ. Мы не помнимъ душевныхъ состояній, пережитыхъ нами во время безпамятнаго дѣтства, и потому душевная жизнь дѣтей является для насъ загадкою. Не смотря на многочисленныя изслѣдованія, до сихъ поръ остается, напр., вопросомъ, какимъ образомъ дѣти приобрѣтаютъ пространственныя и временныя воспріятія или научаются отличать себя отъ окружающихъ предметовъ. По этой причинѣ, далѣе, являются всегда сомнительными наблюденія надъ идіотами и сумасшедшими, и отличаются крайнею гипотетичностью наблюденія надъ душевною жизнью животныхъ. Наконецъ, здѣсь кроется главная причина, почему памятники творчества древнихъ народовъ подвергаются самымъ различнымъ толкованіямъ.

Все сказанное о методахъ ознакомленія съ фактами душевной жизни можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Предметомъ непосредственнаго наблюденія можетъ быть лишь наша собственная душевная жизнь, потому что только она отражается непосредственно въ нашемъ самосознаніи. Но эти отраженія сами по себѣ темны, а наша душевная жизнь слишкомъ индивидуальна, сложна и подвижна. Поэтому самонаблюденію чаще всего приходится имѣть дѣло лишь съ нѣкоторыми, случайно воспріятыми моментами душевныхъ явленій и по нимъ возстановлять силою воображенія цѣлое. О чужой душевной жизни, насколько она проявляется во внѣ, мы можемъ судить только по аналогіи съ собственной душевною жизнью. Но наши сужденія никогда не могутъ быть безусловно точными, ибо внѣшнія обнаруженія душевныхъ явленій не имѣютъ устойчивой опредѣленности, а наша собственная душевная жизнь всегда отличается въ большей или меньшей степени отъ жизни существа наблюдаемаго.

Надѣяться при этихъ условіяхъ на возможность точнаго и полнаго ознакомленія со всѣми фактами душевной жизни посредствомъ простаго, болѣе или менѣе случайнаго наблюденія, не подкрѣпляемаго никакими вспомогательными средствами, едва ли возможно.

Факты, собранные посредствомъ наблюденія, являются сырымъ матеріаломъ, который долженъ быть разработанъ. Каждое душевное явленіе можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) какъ предметъ созерцанія, имѣющій опредѣленное содержаніе, и 2) какъ событіе, для происхожденія котораго необходимы опредѣленныя условія. Съ той

и другой стороны душевныя явленія, до ихъ разработки, представляютъ собою безпорядочное разнообразіе. Задача психологіи — свести это разнообразіе къ единству, открыть лежащую въ основѣ душевной жизни сущность съ неизмѣнными законами ея развитія. Для осуществленія своей задачи психологія пользуется опредѣленными методами. Но эти методы психологіи не заключаютъ въ себѣ ничего специфическаго, почему мы рассмотримъ ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько они являются видами сравнивающей дѣятельности ума.

Сведеніе разнообразнаго содержанія душевныхъ явленій къ логическому единству слагается изъ трехъ моментовъ.

Первымъ моментомъ является разложеніе содержанія на составляющіе его признаки. Это разложеніе начинается въ процессѣ наблюденія. Наблюденіе предполагаетъ собою воспріятіе. А воспріятіе есть отождествленіе новаго предмета созерцанія со старымъ знакомымъ. Въ новомъ явленіи, въ силу этого отождествленія, болѣе ясно сознается та его сторона, по которой оно тождественно съ прежнимъ явленіемъ. Чѣмъ чаще совершается процессъ отождествленія, тѣмъ яснѣе и знакомѣе становится эта сторона. Наконецъ, она можетъ быть выдѣлена изъ всѣхъ другихъ сторонъ явленія простымъ сосредоточіемъ вниманія. Это инстинктивное сравненіе явленій сходныхъ и выдѣленіе въ нихъ тождественныхъ признаковъ находится въ зависимости отъ случайностей опыта. Рассчитывать, что такимъ образомъ будетъ разложено на составляющіе признаки все содержаніе душевныхъ явленій, нельзя. Это можетъ быть достигнуто лишь путемъ произвольнаго систематическаго сопоставленія однихъ явленій съ другими.

Второй моментъ состоитъ въ уясненіи взаимнаго отношенія признаковъ съ точки зрѣнія ихъ различной распространенности, или общности. Это уясненіе производится посредствомъ сравненія. Сравнивая явленія съ точки зрѣнія какого-либо признака, можно видѣть, какія явленія имѣютъ его и въ какихъ его нѣтъ и сколько тѣхъ и другихъ. Продолжая послѣдовательное сравненіе явленій съ точки зрѣнія всѣхъ другихъ признаковъ, можно такимъ образомъ выдѣлить самыя общіе признаки — рода и менѣе общіе признаки — вида. Подобнымъ же способомъ опредѣляется взаимное отношеніе тѣхъ и другихъ. Предположимъ, что родовые признаки суть *x*, *y* и *z*. Чтобы видѣть, какіе видовые признаки соеди-

нены съ каждымъ изъ нихъ, для этого нужно сравнить конкретныя явленія. Если этими явленіями будутъ, напр., **aorx**, **aqrx**, **astx**, то изъ сравненія ихъ ясно откроется, что съ признакомъ **x** соединенъ признакъ **a**, потому что только онъ встрѣчается во всѣхъ явленіяхъ даннаго рода, признаки же **op**, **qr** и **st** отличаются измѣнчивостью.

Заключительнымъ моментомъ служить классификація явленій. Явленія дѣлятся на родовыя группы съ точки зрѣнія признаковъ рода. Признаки же вида служатъ основаніемъ для подраздѣленія родовыхъ группъ на видовыя. При этомъ взаимное положеніе родовъ и видовъ опредѣляется степенью ихъ относительнаго сходства и различія.

Сведеніе разнообразныхъ условій происхожденія душевныхъ явленій къ единству распадается также на три момента.

Исходнымъ моментомъ служить опредѣленіе постоянныхъ условій единичныхъ явленій. Каждое явленіе происходитъ при различной обстановкѣ и имѣетъ различныя предшествующія для себя. Чтобы выдѣлить среди этихъ предшествующихъ постоянныя условія, для этого нужно сравнить предшествующія одинаковыхъ явленій. Предположимъ, что явленіе **x** имѣетъ своими предшествующими одинъ разъ **abcde**, другой разъ **abcdf**, третій—**abcgh**, четвертый **abikl**. Сравнивая эти предшествующія, мы видимъ, что во всѣхъ нихъ остаются неизмѣнными **ab**. Отсюда мы можемъ заключить, что не только въ разсмотрѣнныхъ, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ предшествующія **ab** служатъ постоянными условіями явленія **x**. Но подобныя заключенія никогда не могутъ быть вполне достовѣрными, если между **ab** и **x** мы не будемъ усматривать никакой очевидной связи, ибо всегда можно предполагать, что въ опытѣ могутъ встрѣтиться другіе случаи, когда явленію **x** будетъ предшествовать не **a** и не **b**, а какое-либо другое условіе, которое до сихъ поръ мы оставляли безъ вниманія.

Когда постоянныя условія единичныхъ явленій будутъ предположительно опредѣлены, они, подобно отдѣльнымъ признакамъ душевныхъ явленій, должны быть поставлены во взаимныя отношенія по степени ихъ общности. Среди нихъ должны быть выдѣлены условія родовыя и видовыя.

Въ завершеніи всего должна быть произведена классификація душевныхъ явленій, но уже не стороны ихъ содержания, а съ точки зрѣнія родовыхъ и видовыхъ условій ихъ происхожденія.

Традиціонная опытная психологія закончила бы свою работу, если бы сдѣланныя ею эти двѣ классификаціи душевныхъ явленій — со стороны содержанія и условій происхожденія ихъ — обнимали собою всю психическую жизнь и находились въ полномъ согласіи между собою. Но чтобы достигнуть такого состоянія, она должна выполнить два условія: 1) изучить всѣ отдѣльныя душевныя явленія со всѣми составляющими ихъ моментами и 2) сопоставить ихъ между собою съ точки зрѣнія всѣхъ признаковъ ихъ содержанія и всѣхъ условій ихъ происхожденія. Между тѣмъ сопоставленіе содержанія и условій происхожденія душевныхъ явленій, вслѣдствіе ихъ необычайной сложности и индивидуальности, представляется дѣломъ страшно труднымъ и, кромѣ того, получаемые на основаніи его общіе выводы, насколько они являются простою индукціей, никогда не могутъ быть вполне достовѣрными. А изученіе единичныхъ душевныхъ явленій производится, какъ мы видѣли, при помощи несовершенныхъ методовъ и встрѣчаетъ для себя сильную помѣху въ легкомысленномъ отношеніи къ фактамъ со стороны непривычныхъ психологовъ, которые, ради своихъ излюбленныхъ теорій, искажаютъ точныя фактическія данныя и перемѣшиваютъ ихъ съ вымыслами и баснями.

Не удивительно поэтому, что традиціонная опытная психологія очень и очень далека отъ идеальнаго состоянія. «Если бы, говорить Вундтъ, явился къ намъ житель какого-либо иного свѣта и, будучи совсѣмъ незнакомъ съ свойствами человѣческой души, пожелалъ составить предствленіе о ней по учебникамъ психологіи, то, вѣроятно, онъ пришелъ бы къ заключенію, что даваемые ими изображенія сами относятся къ существамъ совершенно различныхъ міровъ» ¹⁾. Эти слова довольно точно характеризуютъ современные книги по опытной психологіи, написанныя на основаніи случайныхъ непровѣренныхъ наблюденій, перемѣшанныхъ съ вымыслами и баснями.

Но такое печальное состояніе опытной психологіи не должно приводить насъ въ уныніе. Существуютъ средства — вывести психологію на вѣрную и широкую дорогу непрерывнаго развитія ея.

Сюда относится, прежде всего, устраненіе отъ раз

¹⁾ Die Aufgaben der experimentellen Psychologie. Separatabdruck aus „Unsere Zeit“, 1882. III. p. 8.

работки психологии всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не полагаютъ различія между фактомъ и вымысломъ. Этимъ лицамъ разъ на всегда должно быть сказано: «руку прочь! Наука строится на точныхъ фактахъ, а не на занимательныхъ басняхъ. Баснями вы можете потѣшать толпу, зарабатывать деньги, но не служить истинѣ!» Это средство — отрицательное.

Положительнымъ средствомъ служить примѣненіе къ психологии экспериментальныхъ методовъ.

Преобразованная, или экспериментальная психологія.

Что такое экспериментъ и чѣмъ онъ отличается отъ простаго наблюденія, уяснить это можно лучше всего на примѣрахъ. Возьмемъ два примѣра — одинъ болѣе простой и другой болѣе сложный.

Предположимъ, что мы случайно встрѣтили озеро съ соленою водою и хотимъ знать: всегда ли эта вода бываетъ одинаково солена и если не всегда, то почему? Что соленость воды производится присутствіемъ въ ней соли, убѣдиться въ этомъ мы можемъ очень скоро. Легко также можемъ догадаться, что вода бываетъ соленѣе, когда она включаетъ въ себѣ большее количество соли. Но почему въ различныя времена растворяется въ ней соль не въ одинаковомъ количествѣ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы можемъ обратиться къ наблюденію. Мы можемъ прослѣдить, какія перемѣны въ солености воды озера происходятъ — при нагрѣваніи воды лѣтомъ и при охлажденіи ея зимою, при увеличеніи воды во время дождей и при убыли во время засухи, при появленіи свѣжей растительности по берегамъ озера весною и при увяданіи ея осенью и пр. Но подобное наблюденіе потребуетъ отъ насъ очень много времени и труда. Вдобавокъ оно едва ли дастъ намъ какіе-либо значительные и точные результаты. Мы всегда можемъ предполагать, что рядомъ съ наблюдаемыми условіями существуетъ множество другихъ, которыя ускользнули отъ нашего вниманія, но которыя однако не безразличны къ явленію растворенія соли въ водѣ. Таковы, напр., другія — кромѣ соли — примѣси воды, источники, питающіе озеро, вѣтры, волнующіе его поверхность и пр. Гораздо практичнѣе начать изученіе этого явленія по другому

способу. Въмѣсто того, чтобы сидѣть около озера цѣлые годъ и смотрѣть, какъ измѣняется соленость его воды, мы можемъ обратиться къ экспериментальному способу изученія. Мы можемъ приготовить дистиллированной воды опредѣленной температуры и влить ее въ чистые сосуды различной величины затѣмъ взять нѣсколько сосудовъ одной и той же величины но наполнить ихъ водою различной температуры, наконецъ въ сосуды одной и той же величины, наполненные водою одной и той же температуры, вложить вещества, которые, по нашему мнѣнію, могутъ оказать вліяніе на раствореніе соли въ водѣ. Всыпая соль въ приготовленные такимъ образомъ сосуды опредѣленными маленькими мѣрками до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ растворяться, и обращая вниманіе на потраченное количество ея, мы скоро придемъ къ совершенно точнымъ результатамъ. Мы увидимъ, что чѣмъ больше воды или чѣмъ выше ея температура, тѣмъ больше соли можетъ раствориться въ ней.

Другой примѣръ. Мы хотимъ знать: въ силу какихъ условій листья растений пріобрѣтаютъ зеленую окраску? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ на основаніи наблюденія, мы должны, прежде всего, отыскать въ природѣ такія растенія, листья которыхъ имѣютъ свѣтло-зеленый или бѣлый цвѣтъ, и затѣмъ сличить ихъ обстановку съ обстановкою зеленыхъ растеній. Сличеніе должно показать, чего не достаетъ въ первой обстановкѣ сравнительно со второй. Недостающія условія мы и можемъ принять за причину зеленой окраски, выходя изъ общаго соображенія, что гдѣ нѣтъ причины, тамъ не можетъ быть дѣйствія. Но выдѣлить недостающія условія путемъ такого сравненія очень трудно, потому что обстановка, при которой развиваются растенія, весьма разнообразна. Встрѣчая, напр., растенія съ бѣлыми листьями въ подвалахъ, подъ холодными камнями и другихъ темныхъ и холодныхъ мѣстахъ, мы можемъ заключить, что причинокъ зеленой окраски служатъ свѣтъ и теплота. Но мы никогда не можемъ быть увѣрены, что наше заключеніе правильно. Такъ какъ никакой понятной связи между свѣтомъ и теплотою, съ одной стороны, и зеленою окраскою, съ другой, мы не усматриваемъ, то всегда имѣемъ право предполагать возможность отрицательныхъ инстанцій. И наше предположеніе можетъ оправдаться на самомъ дѣлѣ. Мы можемъ натолкнуться на такіе экземпляры, которые растутъ въ свѣтлыхъ и теплыхъ мѣстахъ и, тѣмъ не менѣе, имѣютъ бѣлыя листья. Чтобы и

остаться безъ всякаго объясненія, мы можемъ предположить, что причина зеленой окраски заключается въ особенностяхъ почвы. Но какія эти особенности? Если для рѣшенія вопроса обратимся снова къ наблюденію, то въ результатѣ получимъ новую гипотезу, требующую новой провѣрки.

Совсѣмъ другіе результаты можетъ дать экспериментальный способъ изслѣдованія. Догадываясь на основаніи наблюденія, что причиною зеленой окраски можетъ быть свѣтъ, теплота или особый составъ почвы, мы можемъ: или посадить одинаковыя зерна въ горшки съ различною по составу землею и поставить эти горшки въ одинаковое по степени освѣщенія и нагрѣванія мѣсто, или посадить одинаковыя зерна въ одинаковую землю, но подвергнуть ихъ дѣйствию различной степени свѣта или теплоты. Когда чрезъ нѣсколько времени зерна проростутъ, мы должны наблюдать, въ какихъ горшкахъ покажутся растенія съ листьями темно-зелеными, свѣтло-зелеными и бѣлыми. Темно-зеленныя листья будутъ въ тѣхъ горшкахъ, земля которыхъ заключаетъ въ себѣ наибольшее количество желѣза или которые стоятъ въ наиболѣе тепломъ или свѣтломъ мѣстѣ. Въ горшкахъ, которыя стоятъ въ темномъ или холодномъ мѣстѣ или земля которыхъ не заключаетъ въ себѣ желѣза, листья будутъ бѣлыя. Наконецъ, въ условіяхъ, составляющихъ средину между этими двумя крайностями, разовьются растенія съ свѣтло-зелеными листьями. Чтò отсюда слѣдуетъ, совершенно ясно. Для насъ служить аксіомою положеніе: дѣйствіе должно быть равно своей причинѣ. Опираясь на это положеніе, мы можемъ истолковать полученные факты лишь въ одномъ смыслѣ, что свѣтъ, теплота и присутствіе въ почвѣ желѣзистыхъ веществъ суть факторы, взаимодѣйствіе которыхъ производитъ зеленую окраску листьевъ растеній.

Эти примѣры показываютъ, что эксперименту всегда предшествуетъ наблюденіе. Мы должны посредствомъ наблюденія познакомиться съ существованіемъ въ природѣ зеленыхъ и бѣлыхъ листьевъ или соленой воды и составить гипотезу о возможныхъ причинахъ этихъ явленій, чтобы производить надъ ними эксперименты. Истину эту возвѣстилъ еще Бэконъ. Экспериментировать, говорилъ онъ, значитъ вопрошать природу. Но природа отвернется отъ нашихъ вопросовъ и не дастъ на нихъ никакого отвѣта, если мы будемъ спрашивать ее не по существу. А спрашивать по существу можетъ лишь тотъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ существенными

свойствами природы. Изъ приведенныхъ примѣровъ, далѣе, видно, что самый процессъ экспериментированія слагается изъ двухъ моментовъ. Первымъ моментомъ служитъ произвольное систематическое измѣненіе условій изучаемаго явленія, съ цѣлью выясненія его происхожденія. Мы выдѣляемъ извѣстныя условія, которыя могутъ служить причиною изучаемаго явленія, и измѣняемъ ихъ такъ, что при определенномъ измѣненіи одного, всѣ другія остаются неизмѣнными. Мы растворяемъ одну и ту же соль въ одной и той же водѣ, но при различной температурѣ или количествѣ ея. Выращиваемъ одни и тѣ же зерна при одной и той же степени свѣта и теплоты, но одинъ разъ, когда въ почвѣ совсѣмъ отсутствуетъ желѣзо, а въ другой—когда оно на лицо. Второю моментъ состоитъ въ наблюдении надъ результатами измѣненія условій. Размѣшивая соль въ водѣ при различныхъ условіяхъ, мы всякій разъ наблюдаемъ, какое количество соли употреблено и вся ли она растворилась. Равнымъ образомъ было бы безцѣльно для науки выращивать растенія при различныхъ условіяхъ и не наблюдать, что при этомъ происходитъ. Безъ этихъ наблюдений мы не могли бы выяснитъ происхожденія изучаемыхъ явленій.

Такимъ образомъ экспериментъ предполагаетъ собою наблюдение и является особымъ видомъ его. Онъ состоитъ въ наблюдении надъ перемѣнами, производимыми нами въ явленіяхъ посредствомъ произвольнаго систематическаго измѣненія ихъ условій, съ цѣлью выясненія ихъ происхожденія.

Сравнительно съ наблюдениемъ экспериментъ имѣетъ два главныхъ преимущества.

Прежде всего, онъ даетъ возможность учащать наблюдаемыя явленія. Когда условія явленія находятся въ нашемъ распоряженіи, намъ нѣтъ нужды откладывать наблюдение надъ явленіемъ, пока оно случайно не возникнетъ въ природѣ. Мы можемъ вызвать его во всякое время, когда только намъ захочется. Чрезъ это скоропреходящія явленія пріобрѣтаютъ характеръ устойчивости. Не измѣняя своего вида, они могутъ быть предметомъ непрерывнаго ряда наблюдений. Но предметомъ такихъ наблюдений, какъ мы видѣли, служатъ тѣла. Отсюда экспериментальное наблюдение надъ явленіями должно обладать всѣми преимуществами, которыми отличается наблюдение надъ тѣлами сравнительно съ наблюдениемъ надъ событіями. Эти преимущества суть слѣдующія.

1) Тѣла имѣютъ болѣе или менѣе ясныя очертанія, которыми они отдѣляются отъ окружающихъ тѣлъ. И явленія начинаютъ какъ бы отслаиваться и пріобрѣтатъ какъ бы пространственную опредѣленность, когда мы вырываемъ ихъ изъ условій мѣста и времени, при которыхъ они происходятъ въ природѣ, и начинаемъ неоднократно вызывать ихъ при обстановкѣ вполне знакомой намъ. 2) Наблюденіе надъ тѣлами можетъ продолжаться цѣлыя годы. И явленія мы можемъ вызывать и наблюдать до тѣхъ поръ, пока не изучимъ ихъ вполне. 3) Наблюденіе надъ тѣлами можетъ быть методическимъ. И наблюдать надъ явленіями, вызываемыми снова и снова, мы можемъ не торопясь, а идя шагъ за шагомъ. Сначала мы можемъ заняться воспріятіемъ отдѣльныхъ моментовъ явленія. Потомъ можемъ обратиться къ послѣдовательному уясненію отношеній перваго момента ко второму, втораго къ третьему и т. д. Мы можемъ также выждать и остановить особенное вниманіе на томъ моментѣ явленія, происходящаго предъ нами по нашему желанію, который по нашимъ догадкамъ, долженъ имѣть наибольшее значеніе. 4) Наконецъ, наблюденіе надъ тѣлами производится при помощи вторичныхъ воспріятій. И наблюденіе надъ явленіями можетъ основываться не на представленіяхъ, а на вторичныхъ воспріятіяхъ, если моменты явленій будутъ слѣдовать быстро одинъ за другимъ.

Второе преимущество эксперимента состоитъ въ томъ, что при помощи его мы можемъ совершенно точно изучить происхожденіе и природу явленій. Измѣняя каждый разъ одно какое-либо условіе явленія и сохраняя неизмѣнными остальные, мы можемъ видѣть, безразлично это условіе для явленія или нѣтъ и если не безразлично, то какую именно сторону явленія оно собою обуславливаетъ. Предположимъ, что предъ нами совершилось явленіе, состоящее изъ моментовъ *xuz*, которыхъ мы не восприняли раздѣльно. Предположимъ, что изъ предшествующихъ этого явленія мы замѣтили условія **abcdef**, которыя всѣ находятся въ нашемъ распоряженіи, такъ что мы можемъ измѣнять и комбинировать ихъ по произволу. Мы можемъ, прежде всего, заставить условія **abcdef** дѣйствовать вмѣстѣ. Если въ результатѣ получится то же самое явленіе, которое предъ этимъ мы наблюдали, то для насъ будетъ ясно, что всѣ условія, необходимыя для вызова даннаго явленія, находятся налицо. Но всѣ ли изъ подмѣченныхъ и воспроизведенныхъ нами условій одинаково необходимы для

вызова явленія? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы начнемъ измѣнять отдѣльныя условія. Мы устранимъ сначала вліяніе одного условія, потомъ другого, третьяго и т. д. Если устраненіе однихъ условій, напр., **ace** не будетъ оказывать никакого замѣтнаго вліянія на явленіе, а устраненіе условій **bdf** будетъ сопровождаться измѣненіемъ его, то первыя условія мы отнесемъ къ случайнымъ, а вторыя — къ необходимымъ. Но какую роль играетъ каждое изъ необходимыхъ условій? Это можно до нѣкоторой степени видѣть уже изъ опытовъ послѣдовательнаго устраненія ихъ вліянія. Мы можемъ замѣтить, что при устраненіи условія **b**, явленіе *xuz* переходитъ въ явленіе *uz*, при устраненіи **bd** переходитъ въ *z*. Но чтобы вполне отчетливо сознать моменты явленія *xuz* въ ихъ зависимости отъ условій **bdf**, мы должны произвести опыты другого рода. Устранивъ условіе **b**, мы должны затѣмъ снова ввести его, чтобы видѣть, какой именно моментъ въ явленіи *xuz* въ этомъ случаѣ исчезаетъ и возникаетъ вновь. Этотъ моментъ приобрѣтетъ для насъ еще большую ясность, если удастся намъ усилить или ослабить вліяніе условія **b**. Тогда мы увидимъ, что съ появленіемъ, усиленіемъ, ослабленіемъ и исчезновеніемъ **b**, возникаетъ, усиливается и исчезаетъ въ явленіи моментъ *x*. Подобнымъ же образомъ мы можемъ уяснить зависимость моментовъ *y* и *z* отъ условій **d** и **f**. Въ результатъ мы увидимъ всѣ существенные моменты изучаемаго явленія и точно опредѣлимъ условія ихъ происхожденія.

Въ виду этихъ преимуществъ эксперимента, естествоиспытатели давно обратили на него вниманіе и пользуются имъ въ широкихъ размѣрахъ при изученіи явленій природы. Благодаря ему физика и химія достигли высокой степени развитія и сдѣлались точными науками. Съ примѣненіемъ эксперимента, быстро двинулись впередъ и начали успѣшно развиваться даже такія науки, которыя изучаютъ очень сложныя явленія, напр., физиологія. Поэтому нельзя не желать, чтобы экспериментъ примѣнялся также при изученіи душевныхъ явленій. Но возможенъ ли психологическій экспериментъ?

Возможность психологическаго эксперимента оспаривается многими. Говорятъ: душевныя явленія не могутъ быть измѣряемы, а безъ измѣренія научный экспериментъ не мыслимъ. Но признать это мнѣніе правильнымъ нельзя.

Измѣреніе не составляетъ *conditio sine qua non* эксперимента. Экспериментъ не возможенъ безъ произвольнаго си-

стематическаго измѣненія условій явленія. Но измѣненіе условій можетъ быть не только количественное, а и качественное. Условія, обладающія извѣстнымъ качествомъ, мы можемъ устранять совсѣмъ или вводить вновь, оставляя безъ вниманія ихъ количественную сторону. Даже измѣненіе количественной стороны условій не предполагаетъ собою необходимо точнаго измѣренія ея. Мы можемъ извѣстное условіе замѣтно усилить или ослабить и въ то же время не знать, на сколько единицъ или во сколько разъ оно усилилось или ослабѣло. И подобнаго рода качественныя и количественныя измѣненія, или эксперименты, имѣютъ полное научное значеніе. Посредствомъ ихъ мы можемъ опредѣлить и существенные моменты явленій, и производящія ихъ условія.

Самая мысль, будто измѣреніе душевныхъ явленій не возможно, составляетъ предрассудокъ, ведущій свое начало отъ Канта. Кантъ разсуждалъ такъ: Явленія, происходящія во времени, мы измѣряемъ пространственными величинами. Когда, напр., мы хотимъ опредѣлить продолжительность какого-либо событія, мы обращаемся къ часамъ. Мы смотримъ, какую — между началомъ и концомъ этого событія — дугу на циферблатѣ описала равномерно движущаяся минутная или часовая стрѣлка. Мы судимъ о времени также по положенію солнца на небосклонѣ, при чемъ небесный сводъ служитъ для насъ какъ бы циферблатомъ, а солнце — часовой стрѣлкою. Но душевныя явленія существуютъ лишь въ формѣ времени, а не пространства. Ни протяженіе, ни форма, ни движеніе къ нимъ не приложимы. Посему измѣреніе ихъ не возможно. Это соображеніе Канта имѣло бы значеніе, если бы люди были чистыми духами и жили внѣ условій пространства. Но люди имѣютъ тѣла и живутъ на землѣ. Между ихъ душевными и тѣлесными явленіями существуетъ самая тѣсная связь. Тѣлесныя явленія вызываютъ душевныя и наоборотъ. При этихъ условіяхъ измѣреніе душевныхъ явленій не только возможно, но и составляетъ фактъ.

Душевныя явленія подлежатъ измѣренію съ двухъ сторонъ. Мы можемъ измѣрять ихъ продолжительность и силу.

Измѣреніе продолжительности душевныхъ явленій, сравнительно съ физическими, не представляетъ собою ничего особеннаго. Оно производится при помощи часовъ или другихъ болѣе усовершенствованныхъ приборовъ, напр., хроно-

скоповъ и хронографовъ, дающихъ возможность измѣрять сотыя и даже тысячныя доли секундъ.

Измѣреніе силы душевныхъ явленій въ общемъ сходно съ измѣреніемъ явленій физическихъ. То и другое есть измѣреніе не прямое, а косвенное. О количествѣ силы мы судимъ по величинѣ физическихъ процессовъ. Но есть между этимъ измѣреніями и разница. Силы физическихъ явленій мы измѣряемъ исключительно по ихъ дѣйствіямъ. Объясняется это тѣмъ, что никакихъ физическихъ силъ мы не воспринимаемъ непосредственно. О существованіи ихъ мы заключаемъ по явленіямъ, какъ дѣйствіямъ, необходимо предполагающимъ собою силы. По дѣйствіямъ мы судимъ и о количествѣ силъ. Силы душевныхъ явленій составляютъ фактъ нашего внутренняго опыта. Мы можемъ сравнивать ихъ въ явленіяхъ однородныхъ, напр., ощущенійхъ осязательныхъ, зрительныхъ или слуховыхъ между собою, непосредственно усматривать между ними отношеніе равенства или неравенства, т. е. большаго или меньшаго, и различать неравенство едва замѣтное, ясно замѣтное и слишкомъ замѣтное. Фактомъ нашего внутренняго опыта служить также отношеніе нашихъ душевныхъ явленій къ вызывающимъ ихъ физическимъ причинамъ и къ производимымъ ими физическимъ дѣйствіямъ. Мы знаемъ, напр., непосредственно, что наши ощущенія органовъ внѣшнихъ чувствъ суть дѣйствія внѣшнихъ раздраженій, а наши чувствованія—причины выразительныхъ движеній. Поэтому измѣрять силу душевныхъ явленій мы можемъ не только по ихъ физическимъ дѣйствіямъ, но и по ихъ физическимъ причинамъ. Съ этой стороны измѣреніе силы душевныхъ явленій имѣетъ преимущество сравнительно съ измѣреніемъ силы явленій физическихъ.

Но оно имѣетъ и свои слабыя стороны. Душевные явленія чрезвычайно сложны. Среди нихъ нѣтъ ни одного, которое было бы простою реакціе физическихъ процессовъ. Эти реакціи всегда усложняются дѣйствіемъ внутреннихъ чисто психологическихъ условий. Содержаніе ощущеній, напр., опредѣляется не только характеромъ физическихъ раздраженій, но и сравнивающей дѣятельностью ума. Равнымъ образомъ нѣтъ ни одного внѣшняго выраженія душевныхъ явленій, которое было бы простымъ дѣйствіемъ ихъ. Поэтому силу физическихъ процессовъ нельзя принимать прямо, безъ всякихъ разсужденій, за эквивалентъ силы соответствующихъ

имъ душевныхъ явленій. Прежде чѣмъ измѣрять силу душевныхъ явленій силою физическихъ процессовъ, мы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уяснить и привести къ единообразію тѣ особыя условія, при которыхъ душевныя явленія происходятъ или выражаются вовнѣ. Въ связи съ этимъ стоитъ другой недостатокъ измѣренія силы душевныхъ явленій. Душевныя явленія не только сложны, но и крайне разнообразны. Свести всѣ силы ихъ къ одной общей силѣ и отыскать для нихъ одну общую единицу, какъ это дѣлается, напр., въ физикѣ по отношенію къ силамъ магнетизма, электричества, свѣта и пр., до сихъ поръ не удалось, да врядъ ли когда-нибудь и удастся. Поэтому между измѣреніями силъ отдѣльныхъ группъ душевныхъ явленій нѣтъ единообразія и единства. Однимъ способомъ, напр., измѣряется сила ощущеній, другимъ сила запоминанія, третьимъ сила воображенія и проч.

Контъ и представители матеріалистической психологіи оспариваютъ возможность психологическаго эксперимента по другимъ основаніямъ. Они говорятъ: душевныя явленія всецѣло зависятъ отъ мозговыхъ процессовъ, а мозговые процессы — отъ матеріальныхъ воздѣйствій окружающей среды. Поэтому непосредственное произвольное измѣненіе душевныхъ явленій не возможно. Не возможенъ и психологическій экспериментъ. Но согласиться съ этимъ мнѣніемъ нельзя.

Зависимость душевныхъ явленій отъ условій физиологическихъ, какъ бы широка она ни была, нисколько не исключаетъ возможности произвольнаго измѣненія ихъ. Измѣненіе условій есть вмѣстѣ съ тѣмъ измѣненіе производимаго ими дѣйствія. Поэтому мы должны признать произвольное измѣненіе душевныхъ явленій возможнымъ, если только возможно произвольное измѣненіе физиологическихъ условій ихъ. А что такое измѣненіе возможно, доказательствомъ этого служатъ многочисленные факты. На наши глаза, напр., дѣйствуютъ опредѣленные лучи свѣта; мы ставимъ на пути трехгранную призму, и дѣйствіе лучей измѣняется. До нашихъ ушей доносится тиканье стѣнныхъ часовъ; мы приближаемся къ часамъ или подвѣшиваемъ къ нимъ болѣе тяжелую гирю, и тиканье усиливается. Предъ нами въ темной комнатѣ стоитъ картина; мы освѣщаемъ ее на одно мгновеніе или на болѣе продолжительное время, и она дѣйствуетъ на насъ различно.

Одинъ и тотъ же рассказъ производитъ на насъ различное впечатлѣніе, когда его читаютъ другіе или мы сами, читаютъ быстро или медленно, выразительно или монотонно, на родномъ языкѣ или иностранномъ, однажды или нѣсколько разъ, всѣ разы сподрядъ или чрезъ извѣстныя паузы. Въ нашихъ рукахъ находятся цвѣтныя бумажныя полоски; мы кладемъ предъ собою красную полосу рядомъ съ зеленою и получаемъ отъ этого сочетанія одно впечатлѣніе; замѣняемъ зеленую полосу фіолетовою, и впечатлѣніе мѣняется и мног. др.

Измѣненіе душевныхъ явленій чрезъ посредство фізіологическихъ условій составляетъ экспериментъ не фізіологическій и не психо-фізическій, какъ утверждаютъ психологическіе материалисты, а психологическій. Это измѣненіе было бы экспериментомъ фізіологическимъ, если бы мы имѣли въ виду исключительно природу фізіологическихъ процессовъ и измѣняли условія не душевныхъ явленій, а фізіологическихъ. Равнымъ образомъ мы имѣли бы экспериментъ психо-фізическій, если бы слѣдили за отношеніемъ физическихъ или фізіологическихъ процессовъ къ вызываемымъ ими душевнымъ явленіямъ. Но когда экспериментъ производится съ психологическою цѣлью, чтобы изучить природу и происхожденіе душевныхъ явленій, тогда безразлично, какія условія душевныхъ явленій измѣняются, фізіологическія или психологическія. Всякое такое измѣненіе, какъ измѣненіе душевныхъ явленій, есть психологическій экспериментъ.

По свидѣтельству внутренняго опыта, возможно и непосредственное произвольное измѣненіе душевныхъ явленій. Наша воля можетъ оказывать вліяніе и на познавательные процессы, и на чувствованія, и на желанія. Усиліемъ воли мы можемъ, напр., отвлечь свой умственный взоръ отъ однихъ предметовъ и сосредоточить на другіхъ, разсматривать предметы разсѣянно и съ полнымъ вниманіемъ, не поддаваться угнетающимъ чувствованіямъ, подавлять порочныя желанія и пр. Сила человѣческой воли ограничена. Бываютъ случаи, когда человѣкъ не можетъ владѣть собою. Но эти случаи не такъ часты. Кромѣ того, человѣкъ можетъ, потерявъ власть надъ собою, снова приобрѣсти ее. Для этого онъ долженъ только работать надъ собою. Какъ показываетъ примѣръ великихъ аскетовъ, человѣкъ можетъ посредствомъ постоянной работы надъ собою развить силу своей воли до необычайной степени. Для такихъ лицъ непосредственное произвольное

вліяніе на душевныя явленія служитъ зауряднымъ дѣломъ ихъ ежедневнаго опыта. Но и обыкновенные люди могутъ управлять своимъ душевнымъ міромъ, если только поставитъ ихъ въ благопріятныя внѣшнія условія. Если, напр., мы желаемъ, чтобы человѣкъ отнесся къ тому или другому предмету съ полнымъ вниманіемъ, мы можемъ помѣститъ его въ такой обстановкѣ, гдѣ ничто внѣшнее не будетъ развлекать его. Наоборотъ, если намъ нужно невнимательное отношеніе къ предмету, мы можемъ посадить человѣка за работу и въ то же время вести около него разговоръ или читать что-нибудь въ слухъ.

Такимъ образомъ возможность произвольнаго измѣненія условій душевныхъ явленій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но чтобы экспериментъ имѣлъ научное значеніе, для этого требуется не случайное, а систематическое измѣненіе условій. Мы можемъ уяснить происхождение и природу явленій только тогда, когда будемъ измѣнять ихъ условія послѣдовательно одно за другимъ, такъ чтобы всякій разъ измѣнялось одно какое-либо условіе, а всѣ другія оставались неизмѣнными. Систематическое измѣненіе условій душевныхъ явленій возможно, но при особой, спеціально созданной для того обстановкѣ ¹⁾. Нужны для этого спеціальныя психологическія кабинеты, снабженные соотвѣтствующими приборами.

Вопросъ о возможности экспериментальнаго изученія душевныхъ явленій въ настоящее время потерялъ свою остроту, потому что экспериментальныя психологическія изслѣдованія составляютъ уже положительный фактъ. Нѣкоторыя изъ нихъ привели уже къ точнымъ и важнымъ по своему психологическому значенію результатамъ. Таковы, напр., изслѣдованія относительно силы ощущеній или относительно памяти, о которыхъ было сообщено въ свое время читателямъ «Христіанскаго Чтенія» въ статьяхъ: «Психо-физическія изслѣдованія и ихъ значеніе для психологіи» ²⁾ и «Механическое возрѣніе на душевную жизнь предъ судомъ

¹⁾ Обстановка, при которой производится, напр., экспериментальныя изслѣдованія памяти, описана въ статьѣ „Механическое возрѣніе на душевную жизнь предъ судомъ современныхъ строго научныхъ психологическихъ изслѣдованій“. «Хр. Чтеніе». 1897. I, 376—381.

²⁾ «Хр. Чтеніе». 1895. I, 288—311.

современныхъ строго научныхъ психологическихъ изслѣдованій»¹⁾).

Если въ современномъ обществѣ продолжаетъ существовать предубѣжденіе противъ экспериментальной психологіи, то объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что экспериментальныя психологическія изслѣдованія еще мало извѣстны публикѣ. Содѣйствовали этому предубѣжденію до нѣкоторой степени и сами представители экспериментальной психологіи. Въ самомъ началѣ они провозгласили такой принципъ, который долженъ былъ сразу ослабить интересъ общества къ экспериментальной психологіи. Произошло это такъ.

Начало экспериментальнымъ психологическимъ изслѣдованіямъ было положено отчасти астрономами, главнымъ же образомъ фізіологами. Астрономы обратили вниманіе на личную разницу, или субъективный элементъ, въ наблюденіяхъ отдѣльныхъ лицъ и изыскали средства къ точному опредѣленію ея. Фізіологи, съ другой стороны, занялись изученіемъ точнаго отношенія между раздраженіями и вызываемыми ими нервными процессами и ощущеніями. Они изобрѣли научные экспериментальные методы для выясненія отношенія между силою раздраженій и ощущеній, произвели многочисленныя опыты, открыли законъ и сдѣлали попытку выразить его въ математической формулѣ. Психологи, естественно, заинтересовались этими изслѣдованіями. Видя важное значеніе ихъ для психологіи, они рѣшились сами испробовать свои силы. Достали нужные астрономическіе и фізіологическіе приборы и начали повторять чужіе опыты. Дѣло пошло хорошо. Явилось желаніе имѣть собственные приборы и особое помѣщеніе для производства опытовъ. Вундтъ возбудилъ ходатайство объ ассигнованіи суммъ для учрежденія при Лейпцигскомъ университетѣ кабинета экспериментальной психологіи. Въ 1878 году суммы были ассигнованы и специальный кабинетъ экспериментальной психологіи былъ открытъ. Съ открытіемъ кабинета, начались регулярныя занятія. Первоначальныя изслѣдованія мало по малу стали видоизмѣняться и расширяться. У изслѣдователей само собою возникъ вопросъ: какъ далеко можетъ пойти ихъ работа и какой характеръ она должна имѣть? Но дать сразу правильный отвѣтъ на этотъ вопросъ они не могли. Они видѣли только, что экспериментальныя изслѣдованія — дѣло очень трудное. Прежде

¹⁾ «Хр. Чтеніе» 1897. I, 373—390.

чѣмъ производить эксперименты, нужно придумать и создать соотвѣтствующую обстановку. А это требуетъ очень много времени, вниманія и осторожности. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно предусмотрѣть всѣ обстоятельства, которыя случайно могутъ измѣнять условія опыта, и предупредить ихъ. Иначе можно работать цѣлыя недѣли и не получить никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Между тѣмъ изслѣдователи чувствовали внутреннюю потребность знакомить общество съ новымъ учрежденіемъ, его задачами и способами изслѣдованія. Побуждаемый этою потребностью, Вундтъ пишетъ и издаетъ сочиненіе «Основанія фізіологической психологіи». Въ немъ онъ старается очертить область новыхъ изслѣдованій. Чтобы не поселять въ обществѣ несбыточныхъ надеждъ, не имѣющихъ для себя фактической почвы, онъ беретъ эти изслѣдованія въ томъ видѣ, какой они имѣли, и выставляетъ ихъ въ качествѣ предмета особой науки. Нервная фізіологія и опытная психологія, поясняетъ онъ, стоятъ между собою въ отношеніи полюсной противоположности. Первая изслѣдуетъ нервные процессы и основывается на внѣшнемъ опытѣ. Предметомъ второй служатъ душевныя явленія, открывающіяся во внутреннемъ опытѣ. Но между нервными процессами и душевными явленіями существуетъ самая тѣсная связь, такъ что одни безъ другихъ никогда не происходятъ. Психологи не могутъ оставлять безъ вниманія эту связь. Пользуясь экспериментальными методами фізіологіи, они должны заняться изученіемъ душевныхъ явленій въ ихъ отношеніи къ явленіямъ фізіологическимъ. Рядомъ съ опытною психологіей и фізіологіей должна существовать особая наука, занимающая между ними средину, психологія фізіологическая. Для разработки этой науки и учрежденъ въ Лейпцигѣ особый кабинетъ, который, въ отличіе отъ фізіологической лабораторіи, можетъ быть названъ «психологической лабораторіей». Мысль Вундта была быстро подхвачена. Нашлись горячіе сторонники ея. Въ Геттингенѣ, Боннѣ, Парижѣ, Фрейбургѣ, Гейдельбергѣ, Берлинѣ и различныхъ городахъ Америки были учреждены институты, по образцу Лейпцигскаго, и всѣ они, за исключеніемъ Геттингенскаго, были названы психологическими лабораторіями, причемъ институтъ въ Парижѣ получилъ даже названіе «лабораторіи фізіологической психологіи».

Но эта же самая мысль послужила причиною, почему защитники традиціонной опытной психологіи и общество по-

вернулись спиною къ экспериментальной психологiи. Въ ихъ ухахъ звучало чрезвычайно странно новое названiе—психологическая лабораторiя. Со словомъ лабораторiя соединяется обыкновенно представленiе о вѣсахъ, ретортахъ, печахъ, банкахъ, молоткахъ, ножахъ, несчастныхъ жертвахъ вивиссекци и пр. Но какъ будто душу можно положить на вѣсы, засадить въ банку, подогрѣть на огнѣ, разрѣзать на части и пр! Самыи предметъ новой опытной психологiи былъ для нихъ мало симпатиченъ. Модные психологи, разсуждали они про себя, хотять изучать психофизику и психофизиологию. Ну, и пусть себѣ изучаетъ ее на здоровье! Насъ это мало занимаетъ. Мы интересуемся высшими процессами и состоянiями души и будемъ изучать ихъ по прежнему.

Мысль Вундта была ошибочна. Экспериментальныя изслѣдованiя Эббингауса въ Берлинѣ, Мюллера въ Геттингенѣ, Бинэ въ Парижѣ и др. показали, что душевныя явленiя, напр., памяти, воображенiя и проч. можно изучать экспериментальнымъ путемъ не съ психофизиологической только, но и съ чисто психологической точки зрѣнiя. Свою ошибку Вундтъ созналъ. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненiяхъ «Лекци о душѣ человѣка и животныхъ» 2-го изданiя, «Очеркъ психологiи», «Основанiя физиологической психологiи» 4-го изданiя и *Logik*, 2-te Aufl. II, 2 Abth. онъ употребляетъ уже другой терминъ для обозначенiя новой науки. Онъ называетъ ее экспериментальной психологiей и открыто заявляетъ, что эта наука по своей задачѣ отличается отъ физиологической психологiи. Теперь и основанный имъ кабинетъ переведенъ въ новое обширное и роскошное помѣщенiе, и надъ его входомъ красуется новая надпись: «институтъ экспериментальной психологiи». Но представители традиционной психологiи и общество, продолжая смѣшивать экспериментальную психологiю съ физиологической, мало обращаютъ вниманiя на это.

Не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда впервые начали примѣняться къ изученiю душевной жизни экспериментальныя методы. Но уже теперь можно видѣть ихъ важное значенiе для психологiи. Въ чемъ состоитъ это значенiе, мы не будемъ разсматривать. О немъ можно судить по тѣмъ преимуществамъ экспериментальнаго изученiя вообще предъ простымъ наблюденiемъ, которыя были разъяснены выше. Но нельзя не упомянуть объ одномъ важномъ отличii экспериментальной психологiи отъ традиционной. Традиционная пси-

хология разрабатывалась книжнымъ путемъ. Каждый психологъ облюбовывалъ какую-либо изъ существующихъ теорій и затѣмъ постепенно нанизывалъ на нее послѣдующія свѣдѣнія, получаемыя имъ изъ книгъ. Когда онъ замѣчалъ, что его теорія заключаетъ въ себѣ уже много новаго, онъ опубликовалъ ее. При такомъ способѣ разработки, традиціонная психология была собраніемъ теорій различныхъ лицъ. Вмѣсто одной опытной науки, постепенно обогащающейся точными фактическими данными, существовали психологіи отдѣльныхъ авторовъ, напр., Гербарта, Лотце, Ульрици, Бэна, Спенсера и пр. Не то представляетъ собою экспериментальная психология. Цѣля выше всего точные факты, она разчленяетъ душевную жизнь на отдѣльныя явленія и изслѣдуетъ каждое изъ нихъ особо. Результаты ея изслѣдованій отличаются конкретною опредѣленностью, такъ что легко можно видѣть, какія изслѣдованія доведены до конца и какія нуждаются въ дополненіи. Начинающему психологу нѣтъ нужды передѣлывать всю работу снова. Онъ можетъ сразу взяться за такой предметъ, который еще совсѣмъ не былъ изслѣдованъ или изслѣдованіе котораго начато, но не окончено. Между работами отдѣльныхъ изслѣдователей можетъ существовать такимъ образомъ строгое преемство, при которомъ каждая новая работа будетъ заключать въ себѣ новыя фактическія данныя. Тогда и теоретическая разработка психологіи станетъ на твердую, постепенно расширяющуюся почву.

В. Серебrenниковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки